

МАРКЕРЫ ИРРЕАЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. С. Попова

Воронежский государственный университет

В статье рассматривается проблема маркирования категории невозможного во французском языке; приводится классификация маркеров ирреальности согласно уровневому критерию, а также показывается зависимость частотности употребления различных средств маркирования от типа текста.

В различных текстах нередко встречаются описания ирреальных событий или ирреального.

Для получения адекватного перевода описания ирреального, а также для совершенствования компьютерных программ перевода важно уметь распознавать ирреальное и правильно определять способы его выражения в тексте.

Несмотря на то, что данная проблема недостаточно изучена, хотелось бы все же рассмотреть немногочисленные работы, посвященные ей.

Согласно определению, которое дает Философский энциклопедический словарь, «ирреальное (от позднелат. *irrealis* — невещественный, нереальный), существующее не в действительности, а только в мысли, в противоположность реальному. Ирреальное употребляется как синоним воображаемого, фантастического, а также невозможного». [5, 226].

Жан-Поль Сартр посвятил свою работу «*L'Imaginaire*» ирреальному и средствам его выражения. Он ассоциирует ирреальное с деятельностью образного мышления [8, 13]. Согласно Ж.-П. Сартру, важным законом воображения является тот факт, что воображаемого мира нет. На самом деле, речь идет лишь о вере. Образы же остаются изолированными друг от друга; они не связаны между собой никакими отношениями, кроме тех, которые сознание может постоянно постигать, формируя эти образы. Пространственно-временные характеристики воображаемого проявляются как внутренние качества образа. [8, 215].

Рассматривая проблему ирреального, нельзя не обратиться к работе А. П. Бабушкина ««Возможные миры» в семантическом пространстве языка». В этой работе представлена интересная трактовка данного вопроса.

А. П. Бабушкин утверждает, что «одновременно в семантическом пространстве языка существуют миры, которые не являются копиями того, что

бытует в действительном мире. Эти мыслительные пространства получили название «возможных миров». «Возможные миры» понимаются как нечто мыслимое, но не отражающее реальное положение дел» [1, 4].

А. П. Бабушкин приводит в своей работе подробную типологию возможных миров, отнеся к их числу ближайший мир, мир «чужих» ролей, параллельный мир, мир воображаемых перспектив, мир упущенных возможностей, мир фиктивных аналогий, мир возможных альтернатив, возможный мир, репрезентируемый вопросительными предложениями, мир предписываемых действий, мир сомнений, догадок и гипотетических допущений, антимир.

Ирреальный мир, согласно типологии А. П. Бабушкина, также является одним из возможных миров.

«Ирреальный — это «иной» мир, мир, построенный на фантазии. Фантазия противопоставляется первичному (реальному) миру, ибо ее образы не только «не присутствуют налично», но и не могут быть обнаружены в действительности; они являются принадлежностью воображения. По одному из определений, воображение — это «способность придавать идеальным образованиям ту внутреннюю связность, которая присуща реальности». [1, 42].

«Когда воображаемые сцены содержат нечто надуманное, неправдоподобное и несбыточное, здравый смысл не соотносит описываемые действия с «возможными мирами», они «выбраковываются» из сферы возможных миров, переходя в плоскость Ирреального мира» [1, 75].

Итак, согласно положениям данной работы, в отличие от Ж.-П. Сартра, постулируется наличие ирреального мира как одного из возможных миров.

Для того чтобы понять, как категория невозможного выражается языковыми средствами французского языка, были выявлены и затем классифицированы маркеры ирреальности. Для классифи-

кации маркеров ирреальности использован уровень критерий, предложенный А. А. Кретьевым [2, 151—159].

«С лингвистической точки зрения следует различать три типа словосочетаний: нормальные — отражающие наши представления о связях и законах окружающей действительности; субнормальные, тропеические — отражающие древнейшие представления наших предков о связях и законах окружающей действительности, и аномальные — не совпадающие с представлениями носителей языка о связях и законах нашего мира, но отражающие закономерности «возможных миров» [2, 151]. Категория невозможности позволяет очертить "языковую картину мира", выявить представления носителей языка о возможном-невозможном в окружающей действительности.» [2, 159].

«В русском языке маркерами этой функции могут быть формы сослагательного наклонения, отрицание и вопросительность, некоторые служебные и полнозначные слова. Кроме языковых существуют внеязыковые, экстралингвистические маркеры невозможности как творческой функции языка. К их числу можно отнести жанровые характеристики.» [2, 152].

Нами выдвинута гипотеза, что во французском языке, как и в русском, имеются разноуровневые средства маркирования категории невозможного. Целью нашего исследования является проверка этой гипотезы на материале художественных, сакральных и фольклорных текстов.

Рассмотрим маркирование ирреального с помощью аномальных словосочетаний на разных уровнях языковой системы. На наш взгляд, уровень критерий является наиболее универсальным как при анализе оригинальных текстов, так и их переводов.

На первом этапе исследования необходимо было выяснить, какими средствами выражается ирреальность в русском языке и найти эквиваленты этих средств во французском языке.

«Аномальные словосочетания могут встречаться после полнозначных слов: *(по)казаться, (по)мерещиться, (при)сниться, (при)видеться, мниться; (по)чудиться, (при)грезиться; воображать, представляться (кому-либо), представлять (себе), рисовать в воображении*» [2, 153].

Можно назвать следующие французские эквиваленты этих слов: *paraître, sembler, faire l'effet de, avoir l'air, se figurer, s'imaginer, hanter, obséder, halluciner*.

К маркерам ирреальности можно отнести также следующие существительные, прилагательные, глаголы и наречия: *диво, чудо, невидаль, странность, удивление; удивляться, удивиться, не поверить (своим глазам); странно, непонятно; необычный, странный, непонятный, удивительный* и т.п. [2, 154].

К ним можно подобрать следующие эквиваленты: *merveille, miracle, prodige, étrangeté, étonnement, surprise; s'étonner, ne pas en croire ses yeux; étrangeté, bizarrement, inconcevablement; insolite, incroyable, extraordinaire, incompréhensible, frappant*.

Б. А. Серебренников считает, что «исследовать роль грамматического строя в создании языковой картины мира означает определить, что выражают грамматические формативы и какое отношение это выражение имеет к созданию языковой картины мира». [4, 5].

«Аномальные словосочетания встречаются также при употреблении глагола в формах сослагательного наклонения.» [2, 151].

«Наклонением называется грамматическая категория, выражающая отношение действия или состояния к действительности.» [4,23].

А. П. Бабушкин определяет сослагательное наклонение как «окно» в возможные миры.

«Сослагательное наклонение представляет действие, выраженное глаголом, не как реальное, а как желаемое, предполагаемое, обусловленное, возможное (или невозможное), которое могло бы произойти при выполнении определенных условий. Наиболее распространенная форма сослагательного наклонения в русском языке — форма глагола на «л» в сочетании с частицей «бы». Русское сослагательное наклонение не имеет временных форм; действие, им выраженное, может относиться к любому временному плану» [1, 22].

«В русском языке по форме сослагательного наклонения нельзя определить — потенциальное ли это условие или ирреальное» [1, 36].

Во французском языке кондиционал является наклонением воображаемого. Некоторые ученые (М. Guillaume) называют кондиционал “будущим гипотетическим” [6, 355].

Е. А. Реферовская, А. К. Васильева в работе “Теоретическая грамматика современного французского языка” также называют кондиционал будущим гипотетическим. Вот как они объясняют функции кондиционала прошедшего времени: «Обозначая действие в прошлом, форма сложного будущего гипотетического приобретает оттенок

ирреальности в большей мере, чем форма простого будущего гипотетического. Действие, которое необязательно произойдет в будущем, все же может еще осуществиться и стать, таким образом, реальным, в то время как действие, которое было вероятным в прошлом, представляется, разумеется, как действие ирреальное. Итак, условное предложение, отнесенное к прошлому, неизбежно выражает невыполненное условие и, значит, превращается в простое предположение.

Ех. Au bout de quelques mois, elle *aurait pleuré* si on l'avait retirée de l'asile. Toujours à cause de l'habitude. (Camus)» [3, 249].

Б. А. Серебренников говорит о том, что «использование прошедшего времени для выражения модальных значений объяснить нетрудно. Действие, относящееся к плану прошлого, в настоящее время не является реальным. Это обстоятельство могло послужить основой для развития модальных значений, ср. использование прошедших времен для выражения условного наклонения, ...» [4, 28].

В работе Б. А. Серебренникова можно найти также интересное рассуждение о наклонениях русского языка: «Ни конъюнктива, ни опатива в русском языке нет. Это объясняется тем, что значения различных наклонений в русском языке могут быть выражены при помощи модальных слов и частиц.

Модальные частицы неоднородны по своему значению. Одни из них выражают волеизъявления говорящего, другие выражают отношение к действительности или к сообщению о каких-либо фактах.» [4, 24].

Здесь уместным будет сказать о модальных частицах, которые вводят придаточные предложения и, тем самым маркируют невозможное, разрешая употребление аномальных словосочетаний. Вот что отмечает А. А. Кретов по этому поводу: «Аномальные словосочетания встречаются ... в сопровождении служебных слов: *как, будто, как будто, как будто бы, словно, словно бы, точно*» [2, 152].

На французский язык эти служебные слова можно перевести как *comme, comme si*.

Е. К. Никольская и Т. Я. Гольденберг в работе «Грамматика французского языка» указывают, что вторая форма кондиционала прошедшего времени часто встречается в придаточных сравнения, которые вводятся союзом *comme si* [7, 181].

Здесь стоит заметить, что сейчас вторая форма кондиционала прошедшего времени заменяется все

чаще такими временными формами как *plus-que-parfait, imparfait* или же первой формой кондиционала прошедшего времени.

Кроме вышеперечисленных союзов функцию маркирования аномальных словосочетаний выполняют слова *как бы* и *якобы* [2, 153].

Аномальные словосочетания встречаются также при вопросе и отрицании, имеющих связь с оценкой высказывания как достоверного-недостоверного. Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, А. А. Кретов приводит следующий пример: если предложение «*Обломов лежал на потолке*» трансформировать из утвердительного в отрицательное или вопросительное, то оно станет достоверным и нормальным. [2, 151—152].

«Имеются большие совокупности текстов, в которых указанные выше средства отсутствуют, хотя законы природы в них нарушаются. В них лингвистические маркеры невозможности как бы выносятся за скобки, и внеязыковым маркером, разрешающим употребление аномальных словосочетаний, является само указание на принадлежность текста к художественной литературе: роман, повесть, рассказ, научно-фантастический рассказ, стихотворение, поэма и т.п. (Аналогичные внеязыковые маркеры ирреальности — сцена в театре, рама у картин, постамент у скульптур и т.п. — имеются у всех искусств, везде, где создается «вторая действительность»)» [2, 156].

Нужно также отметить, что на уровне текста маркирование осуществляется с помощью стилистических приемов: трансформация апеллятивов в онимы, персонификация, оксюморон.

Если говорить о жанре художественного текста как о маркере, то этот маркер не всегда «вынесен за скобки [2, 156]», а представлен в некоторых случаях лингвистически — присутствием имен сказочных персонажей или названий сказочных (несуществующих в реальности) объектов.

В сакральных и фольклорных текстах употребление аномальных словосочетаний без маркеров объясняется их древностью [2, 158].

Как отмечалось выше, с целью выявления маркеров ирреальности во французском языке были проанализированы художественные, фольклорные и сакральные тексты и их переводы (на французский или на русский язык).

Анализ этих произведений позволил выявить во французском языке следующий перечень маркеров лексического уровня. Сгруппированные по семантике с учетом частеречной принадлежности, они выглядят следующим образом:

1. «Мечты — воображение — сон»:

а) глаголы: *sembler, s'endormir — s'éveiller, faire un cauchemar, rêver, paraître, se figurer, avoir l'air, inventer*;

б) существительные: *rêve, songerie, féerie, imagination, illusion, mirage, trompe-l'oeil, irréalité, chimère, rêverie*;

в) прилагательные: *irréel, fictif, imaginaire, féérique, surnaturel, invraisemblable, chimérique, inexistant, ineffable, inventé, illusoire, inouï, impensable, incompréhensible*.

Проиллюстрируем данную группу маркеров примером.

Mytyl (comptant des gâteaux **imaginaires**). Moi, j'en ai reçu douze !.. [Mæterlinck 1998, 21].

Митиль (считает **воображаемые** пирожки). Мне дали двенадцать!.. [Метерлинк 1972, 498].

2. «Галлюцинации, видения и т.п.»:

а) глаголы: *avoir la manie, avoir des visions, avoir la berlue, halluciner, divaguer*;

б) существительные: *vision (pl), insensé, fou, hallucination, mirage*.

Эта группа маркеров может быть представлена следующим примером.

Dudard, à Botard. Vous **divaguez**, monsieur Botard.

Monsieur Papillon. Ne **divaguons** point.

Botard. Moi, je **divague**, je **divague**?

Daisy. Tout à l'heure, vous nous accusiez d'avoir des **hallucinations**.

Botard. Tout à l'heure, oui. Maintenant, l'**hallucination** est devenue provocation. [Ionesco 2005, 129].

Дюдар (мсье Ботару). Вы **бредите**, мсье Ботар.

Мсье Папийон. Давайте **не будем бредить**.

Ботар. Я **брежусь, брежусь**?

Дэзи. Ведь вы только что упрекали нас в **галлюцинациях**.

Ботар. Да, только что. А вот теперь, видите, **галлюцинация** превратилась в провокацию. [Ионеско 1999, 199].

3. «Удивление — странность»:

а) глаголы: *frapper, s'étonner*;

б) существительные: *effarement, stupéfaction, bizarrerie*;

в) прилагательные: *étonnant, ahuri, étrange, bizarre, stupéfait, éperdu*.

Маркерами этой группы обозначено невозможное в приведенном ниже примере.

Quelque chose pourtant me **frappa** qui n'était pas sa figure que je ne voyais pas, ni son uniforme dissimulé dans une grande houppe, mais la

disproportion **extraordinaire** entre le nombre de points différents par où passa son corps et le petit nombre de secondes pendant lesquelles cette sortie, qui avait l'air de la sortie tentée par un assiégé, s'exécuta [Proust].

Тем не менее что-то меня в нем **поразило**, — не лицо, которого я не разглядел, и не форма, скрытая широким плащом, — скорее, **необычайное** несоответствие между траекториями, по которым двигалось его тело, и временем, в течение которого это происходило; это походило на попытку бегства из окружения. [Пруст 1999, 117].

4. «Чудо — волшебство»:

а) глаголы: *ne pas correspondre à la réalité*

б) существительные: *enchantement, miracle, prodige, merveille, mystère, mystificateur*

в) прилагательные: *prodigieux, merveilleux, émerveillé, mystérieux, magique, fantastique, incantateur, fabuleux, impossible, extraordinaire, miraculeux*;

г) наречия: *miraculeusement, à merveille*.

В приведенном ниже примере присутствуют маркеры данной группы.

La voisine. Vous voyez le **miracle** !..

La Mère Tyl. **Pas possible** !.. Elle marche?..

La Voisine. Elle marche ! C'est-à-dire qu'elle court, qu'elle danse, qu'elle vole !..

Tylyl (s'approchant, **émerveillé**). Oh ! qu'elle ressemble à la Lumière !.. [Mæterlinck 1998, 133].

Соседка. Перед вами **чудо**!..

Мать Тиль. **Не может быть**!.. Она ходит?..

Соседка. Она ходит!.. Какое там: она бежит, танцует, летает!..

Тильтиль (подходит к Девочке; **в изумлении**). Ой, как она похожа на Душу Света!.. [Метерлинк 1972, 577].

5. «Сказка — названия сказочных персонажей и сказочных объектов»: *l'Oiseau Bleu, l'Anneau-qui-rend-invisible, le Tapis Volant, Fée Bérylune, Barbe-Bleue, vampire, larve, spectre, harpie, Simbad le Marin, dragon, Peau d'Ane, Cendrillon, Petit Poucet, fantôme, Mille et une Nuits, sorcier, fée, génie, ondine, monstre, Dieu nautique, néréide, cabane sur pattes de poulet, Baba-Yaga, démon; conte, mythe*.

Иллюстрацией данной группы может служить следующий пример.

Le Pain. Oui, monsieur Tylyl a pris la veste rouge, les bas blancs et la culotte bleue du **Petit Poucet** ; quant à mademoiselle Mytyl, elle a la robe de **Grethel** et les pantoufles de **Cendrillon**... Mais la grande affaire, ç'a été d'habiller la Lumière!..

Le Pain...; et j'ai fini par déclarer que, dans ces conditions, je refusais de sortir avec elle... [Mæterlinck 1998, 35].

Хлеб. Да. Тильтиль выбрал костюм *Мальчика-с-Пальчик*, а Митиль — платье *Гретель* и туфельки *Золушки*... Труднее всего было одеть Душу Света...

Хлеб... В конце речи я прямо заявил, что при таких условиях отказываюсь с ней идти... [Метерлинк 1972, 507].

Во французском языке так же, как и в русском, имеются грамматические средства маркирования ирреальности.

В ходе работы нами также был пополнен список маркеров грамматического уровня во французском языке: *comme si + imparfait*, *comme si + conditionnel passé 2-ème forme*, *comme, conditionnel passé 2-ème forme*, *conditionnel passé*, *à croire que*, *aussi que si*, *tel/pareil* (в значении «как бы, якобы»).

Приведем примеры на каждую конструкцию.

Tyltyl. Et le petit rousseau qui marche *comme s'il ne voyait pas*. Est-ce qu'il est aveugle?...

L'Enfant. Pas encore ; mais il le deviendra... Regarde le bien; il paraît qu'il doit vaincre la Mort.. [Mæterlinck 1998, 112].

Тильтиль. А тот рыжий мальчуган, который ходит так, *будто* он не видит, — он, что, слепой?...

Ребенок. Пока еще нет, но потом ослепнет. Приглядись к нему повнимательнее... Кажется, он должен победить Смерть... [Метерлинк 1972, 562].

..., puis faisait demander s'il pouvait entrer chez elle et là, moitié tristesse réelle, moitié énervement de cette vie, moitié simulation chaque jour plus audacieuse, sanglotait, s'inondait d'eau froide, parlait de sa mort prochaine, quelquefois s'abattait sur le parquet *comme s'il se fût trouvé mal* [Proust].

..., затем посылал спросить, можно ли пройти к ней, и на ее половине, то ли от настоящей печали, то ли устав от такой жизни и от все более рискованного притворства, рыдал, брызгал на себя холодной водой, говорил о своей близкой смерти, несколько раз падал на паркет, *словно с ним случился обморок*. [Пруст 1999, 16].

Как было замечено выше, вторая форма кондиционала прошедшего времени во французском языке все реже встречается после модальных слов, вводящих придаточное предложение. Однако в произведении М. Пруста эта форма встречается довольно часто. Вероятно, это объясняется не только тем, что текст написан давно, но и предпочтениями автора.

7. Ces sortes de sauterelles étaient semblables à des chevaux équipés pour la guerre; sur la tête, elles avaient *comme* des couronnes dorées, et leurs visages

étaient *comme* des visages humains. [Nouveau Testament et Psaumes 1997].

7. По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней *как бы* венцы, похожие на золотые, лица же ее — *как* лица человеческие;... [Библия 1988].

Ce retour de la vie se produisait quand il ne servait plus à rien, m'attristait profondément, non à cause d'Albertine, que *j'eusse reçue* sans plaisir si elle *m'eût été ramenée* non plus de Touraine, mais de l'autre monde, mais à cause d'une jeune femme que j'aimais et que je ne pouvais arriver à voir. [Proust 1991, 12].

Это обратное движение жизни, произошедшее именно тогда, когда оно уже не имело никакого смысла, глубоко печалило меня, не из-за Альбертины, которую я *встретил бы* без радости, *вернись* она теперь уже не из Турена, а с того света, но из-за того, что женщину, которую я любил, я никогда уже не увижу. [Пруст 1999, 21].

Хотелось бы вновь отметить тот факт, что у М. Пруста достаточно часто можно встретить вторую форму кондиционала прошедшего времени, либо в чистом виде, либо в сочетании с модальным словом.

Oreste... Mais moi... Moi, je suis libre, Dieu merci. Ah! Comme je suis libre. Et quelle superbe absence que mon âme. (Il s'approche du palais.) *J'aurais vécu* là. *Je n'aurais lu* aucun de tes livres, et peut-être *je n'aurais pas su* lire: il est rare qu'un prince sache lire. ... Allons, je vais te faire plaisir: *ce n'est pas mon palais*, ni ma porte. Et nous n'avons rien à faire ici. [Sartre 1996, 123—124].

Орест... А я... Я, слава богу, свободен. Ах, до чего же я свободен. Моя душа — великолепная пустота. (Подходит к дворцу.) Я *жил бы* здесь. Я *не прочел бы* ни одной из твоих книг. Возможно, я и вообще *не знал бы грамоты*: царевичи редко умеют читать... Что ж: доставлю тебе удовольствие — *это не мой дворец*, не моя дверь. И нам здесь нечего делать. [Сартр 1999, 17].

В переводе на русский язык довольно сложно «установить» факт маркирования категории невозможного без сравнения с оригинальным текстом, поскольку «русское сослагательное наклонение близко к миру реальности» [2, 151]. Пожалуй, единственным указанием в переводе на ирреальность действий, перечисленных персонажем произведения, является фраза «... — это не мой дворец...».

В следующем примере во французском переводе наблюдается довольно редкая конструкция, маркирующая ирреальное.

Афанасий Иванович рискнул было на очень хитрое средство, чтобы разбить свои цепи: ... — ничто не произвело никакого впечатления на Настасью Филипповну, *как будто* у ней вместо сердца был камень, а чувства иссохли и вымерли раз навсегда. [Достоевский 1985, 43].

Afanassi Ivanovitch voulut essayer une méthode fort rusée pour se défaire de ses chaînes ; ... — , rien ne fit la moindre impression sur Nastassia Filippovna, *à croire qu'*elle avait un cœur de pierre et que ses émotions, à tout jamais, étaient taries et mortes. [Dostoïevski 1998, 742].

Не менее интересный способ маркирования представлен и в следующем примере, однако на этот раз уже в оригинальном тексте.

Tylyt. Comment les verrons-nous, puisqu'ils sont morts?...

La Fée. Comment seraient-ils morts puisqu'ils vivent dans votre souvenir?...; au lieu que toi, grâce au Diamant, tu vas voir que *les morts* dont on se souvient *vivent aussi heureux que s'ils n'étaient point morts...* [Mæterlinck 1998,39].

Тильтиль. Как же мы их увидим, когда они умерли?...

Фея. Раз они живут в вашей памяти, значит, не умерли... Но ты благодаря алмазу сейчас увидишь, что *мертвые*, о которых вспоминают, *живут счастливо, так, как будто они и не умирали...* [Метерлинк 1972, 510].

Только лишь сравнение нескольких переводов Библии на французский и русский языки позволило выделить прилагательные *telle, pareille* в качестве маркеров ирреальности грамматического уровня, так как в данном случае они передают значение союзов *как бы, якобы*.

Après cela je regardai, et voici une porte ouverte dans le ciel. *Telle* une trompette, la première voix que j'avais entendue me parler dit: Monte ici, et je te ferai voir ce qui va arriver dans la suite. [La Sainte Bible 1980].

1. J'ai vu une porte ouverte dans le ciel. Et la voix, que j'avais déjà entendue, *pareille* au son de la trompette, me disait: «Monte jusqu'ici, et je te ferai voir ce qui doit arriver par la suite». [Nouveau Testament et Psaumes 1997].

1. J'eus ensuite la vision que voici: une porte tait ouverte au ciel, et la voix que j'avais naguère entendu me parler *comme* une trompette me dit: Monte ici, que je te montre ce qui doit arriver par la suite. [La Sainte Bible 1955].

После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал *как-бы* звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди

сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего. [Библия 1988].

Во французском языке также имеются маркеры уровня текста: жанр и стилистические приемы (персонификация, оксюморон, трансформация апеллятивов в онимы).

В следующем примере очень ярко представлены все маркеры данной группы.

Tylyt... *Elles ont l'air bien malade, vos Maladies...* Elles n'ont même pas levé la tête...(Une petite *Maladie, en pantoufles, robe de chambre et bonnet de coton, s'échappe de la caverne et se met à gambader dans la salle.*) Tiens!... Une petite qui *s'évade!*...

La Nuit. Ce n'est rien, c'est la plus petite, c'est *le Rhume de cerveau...* C'est une de celles qu'on persécute le moins et qui se porte le mieux...(Appelant *le Rhume de cerveau.*) *Viens ici, ma petite ...* C'est trop tôt; il faut attendre le printemps...

Le Rhume de cerveau, éternuant, toussant et se mouchant, rentre dans la caverne dont Tylyt referme la porte. [Mæterlinck 1998,56].

Тильтиль (...). ... *У ваших Болезней очень болезненный вид...* Они даже головы не поднимают...

Одна маленькая *Болезнь в домашних туфлях, капоте и ночном колпаке выскакивает из пещеры и начинает бегать по зале.*

Ой!.. какой-то малыш *выскользнул...* Кто он?...

Ночь. Это не страшно. Перед тобой самая маленькая из болезней — *Насморк...* Таких, как он, не особенно жестоко преследуют, поэтому он держится смелей...(Подзывает *Насморк.*) *Поди сюда, малыш!..* слишком рано ты выбежал, подожди до весны...

Насморк, чихая, кашляя и сморкаясь, возвращается в пещеру, и Тильтиль запирает за ним дверь. [Метерлинк 1972, 522].

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что во французском языке, как и в русском, имеются разноуровневые средства маркирования ирреальности. Эти маркеры в целом схожи с маркерами в русском языке и вписываются в классификацию, основанную на уровне критерии. Следовательно, выдвинутая гипотеза находит подтверждение.

Следует отметить, что различия языковых систем русского и французского языков позволяют говорить о предпочтительном выборе того или иного способа маркирования как в оригинальном тексте, так и в его переводе.

Если на уровне лексики маркирование более или менее однородно в обоих языках (речь идет об

одноуровневом двустороннем маркировании), то на уровне грамматики наблюдаются некоторые различия: во французском языке маркирование чаще происходит с помощью наклонения (кондиционала прошедшего времени), а в русском — с помощью модальных слов (ввиду большей развитости системы наклонений во французском языке).

Если же попытаться проследить эту тенденцию в зависимости от автора текста, то мы придем к следующим выводам: М. Пруст наиболее часто и широко использует формы кондиционала (в частности, вторую форму кондиционала прошедшего времени), в меньшей степени встречается это наклонение в произведении Ж.-П. Сартра, практически не встречается оно в произведениях М. Метерлинка и Э. Ионеско.

Что касается маркеров уровня текста (главным образом, жанра), то они доминируют в произведениях М. Метерлинка, Э. Ионеско, в переводах произведений М. А. Булгакова.

Необходимо также отметить следующую тенденцию — способы маркирования меняются в зависимости от типа текста: в сакральных текстах наиболее распространено маркирование на лексическом уровне (54 %), в художественных текстах оно присутствует в меньшей степени (45 %), в фольклорных текстах соответственно 36 %; маркеры грамматического уровня также наиболее широко представлены в сакральных текстах (27 %), менее распространены они в художественных текстах (14 %) и еще в меньшей степени — в фольклорных (2 %).

Что касается маркирования на уровне текста, то оно в наибольшей мере имеет место в фольклорных текстах (62 %), в меньшей степени — в художественных текстах (41 %) и наименьшим количеством примеров представлено в сакральных текстах (19 %).

Более того, необходимо отметить тот факт, что способы маркирования во французском языке чаще всего сочетаются друг с другом, что свидетельствует о многообразии языковых средств и литературных приемов, используемых писателями для создания «иной реальности» в рамках своих произведений.

В частности, в ходе сопоставительного анализа французских текстов и переводов, нами были выявлены следующие виды так называемого смешанного маркирования: одностороннее маркирование, смежное одноуровневое маркирование и смежное разноуровневое маркирование.

Односторонним маркированием называется маркирование, имеющее место лишь в одном из

текстов (либо в тексте оригинала, либо в тексте перевода). Примером такого типа маркирования может служить следующий отрывок.

«... — J'avais dit cela, moi? vous devez vous tromper. En tout cas si je l'ai dit, mais vous faites erreur, je parlais au contraire d'amourettes avec des jeunes gens. A cet âge-là, du reste, cela n'allait d'ailleurs probablement pas bien loin». [Proust 1991, 13].

... — «Я так говорила? Вам, должно быть, *померещилось*. Во всяком случае, даже если я и говорила, то вы ошибаетесь, вы все перепутали, ибо я говорила о ее похождениях с молодыми людьми. Впрочем, в таком возрасте, не думаю, чтобы они заходили слишком далеко». [Пруст 1999, 22].

На первый взгляд, наиболее логичным покажется такой перевод фразы «Vous devez vous tromper», как «Должно быть, Вы ошибаетесь». Именно так можно перевести данную фразу с помощью словаря. Однако переводчик передал ее смысл с помощью маркера ирреальности.

Под смежным одноуровневым маркированием нужно понимать следующее: маркеры ирреальности, используемые автором и переводчиком, относятся к одному уровню языка (лексическому, грамматическому и т.д.), но являются разными по своей природе, например, модальное слово, использованное при переводе, призвано передать значение кондиционала, которого в русском языке нет.

De la même manière, par acquit de conscience, je me signalais à moi-même comme à quelqu'un qui *m'eût accompagné* et qui eût été capable d'en tirer plus de plaisir que moi les reflets du feu dans les vitres, et la transparence rose de la maison. [Proust].

Так, для очистки совести, я все еще отмечал для себя, *будто* для какого-то незримого спутника, который способен извлечь из увиденного больше радости, чем я, огненные отсветы рам, розовую прозрачность дома. [Пруст 1999, 157].

Что касается смежного разноуровневого маркирования, то под ним следует понимать использование разноуровневых маркеров ирреальности в тексте оригинала и перевода с целью передачи одной и той же мысли (в основном используется сочетание лексических и грамматических маркеров).

Et pourtant de même que ses yeux *avaient l'air* de me regarder d'un rivage lointain, sa voix était triste, presque suppliante, comme celle des morts dans l'Odyssee. Odette eût pu jouer encore [Proust].

Ее глаза, однако, *словно* смотрели на меня с далекого берега, а голос был грустен, как голос

плакальщиц, как голос мертвых в «Одиссее». Ей стоило бы еще играть. [Пруст 1999, 242—243].

В тексте оригинала ирреальность маркирована на уровне лексики, а в тексте перевода маркирование осуществляется на грамматическом уровне.

Какую интерпретацию можно дать отмеченному явлению? По-видимому, у языка, как и у сознания, есть не только функция отражения действительности, но и ее творения, созидания ее. Отражение действительности — нормативная, первичная функция языка, а создание, творение действительности — его вторичная, творческая функция. А словосочетания, возникающие в результате использования языка в функции создания действительности, трактуются языковым сознанием как нечто аномальное, невозможное и поэтому маркируются. Для этого в русском языке есть специальные маркеры, освобождающие говорящего от требования соответствия сообщаемого естественному порядку вещей, законам «этого мира». [2, 159].

Во французском языке, как мы убедились, имеются разноуровневые средства маркирования ирреальности. Эти маркеры в целом схожи с маркерами в русском языке и вписываются в классификацию, основанную на уровневом критерии.

В перспективе нашего исследования — детальная классификация внутри каждой группы

маркеров и определения частотности каждого из маркеров ирреальности внутри каждой группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабушкин А.П.* «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж: ВГУ, 2001. — 86 с.
2. *Борискина О.О.* Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптиккласса. / О. О. Борискина, А. А. Кретов. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. — 211 с.
3. *Реферовская Е.А.* Теоретическая грамматика современного французского языка / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. — 3-е изд., испр. — М.: Просвещение, 1982. — 400 с. — на фр. яз.
4. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. / Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 242 с.
5. *Философский энциклопедический словарь.* — М.: Советская Энциклопедия, 1989. — 815 с.
6. *Grammaire du français contemporain: références / J.-C. Chevalier, C. Blanche-Benveniste, M. Arrivé, J. Peytard.* — P.: Larousse, 1998. — 496 p.
7. *Nikolskaïa E.K., Goldenberg T.Y.* Grammaire française / E. K. Nikolskaïa, T. Y. Goldenberg. — 4-е изд., испр. — М.: Высшая школа, 1982. — 367 с. — на фр. яз.
8. *Sartre J.-P.* L'Imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. / J.-P. Sartre. — P.: nrf, 1948. — 246 p.